
Л.И. Кондрашова

КИТАЙСКАЯ МЕЧТА
О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ

Москва
Институт экономики
2014

Кондрашова Л.И. Китайская мечта о национальном возрождении. – М: Институт экономики РАН, 2014. – 36 с.

ISBN 978-5-9940-0470-8

2014 г. считается в Китае первым годом нового этапа реформистских преобразований – этапа «углубления реформы». За предыдущие 35 лет Китай добился колоссальных успехов в экономике, став второй в мире страной по величине ВВП. Вместе с тем, преодолев свою экономическую отсталость, Китай столкнулся с целым рядом сложных экономических, социальных и экологических проблем, что потребовало смены экономической модели. Девизом правления нового китайского руководства во главе с генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином можно считать постулат: «китайская мечта» с тремя главными компонентами – сильное и богатое государство, национальное возрождение, народное счастье. Повышенное внимание к конфуцианским традициям и сохранение идеологического лозунга: «Социализм с китайской спецификой» – дают основание определить новую китайскую модель развития как «конфуцианский рыночный социализм».

Ключевые слова: «китайская модель», «китайская мечта», социализм с китайской спецификой, рыночная экономика, конфуцианские традиции, национальное возрождение.

Классификация JEL: O1, O53, P20, P30, P51

© Институт экономики РАН, 2014
© Кондрашова Л.И., 2014
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Итоги китайской эпохи Реформации	6
Глава 2. Проблема выбора пути	10
Глава 3. Современное изменение стратегии развития	16
Глава 4. 18-й съезд КПК и начало нового этапа «углубления реформ»	21
Глава 5. Задача «возрождения Китая»	25
Литература.....	35

ВВЕДЕНИЕ

Новое, пятое поколение китайских лидеров можно назвать мечтателями. Уже на первом заседании ВСНП нового созыва в марте 2013 г. приступивший к выполнению своих обязанностей генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин призвал к осуществлению «Великой китайской мечты» и изложил свое видение выдвинутого им лозунга, перечислив три его главных компонента — сильное и богатое государство (*гоцзя фуцян*), национальное возрождение (*миньцзу чжэнсин*), народное счастье (*жэньминь синфу*). В интервью, накануне визита в несколько латиноамериканских стран 1 мая 2013 г., он объяснил свое обращение к «китайской мечте» желанием «всколыхнуть дух всей нации», «собрать воедино силы всей страны» и сформулировал направление деятельности на ближайшие годы. «Цель нашей предстоящей борьбы, — сказал он, — такова: к 2020 г. ВВП и среднедушевые доходы городского и сельского населения должны удвоиться по сравнению с показателем 2010 г.; должно быть в полной мере завершено построение среднезажиточного общества. К середине нынешнего века мы должны превратить страну в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничное социалистическое государство и осуществить китайскую мечту о великом возрождении китайской нации»¹. По его словам, ради воплощения в жизнь «китайской мечты» необходимо неуклонно придерживаться пути социализма с китайской спецификой, продолжать политику реформ и открытости.

О «китайской мечте» разговоры велись и раньше как в самом Китае, так и за рубежом. Родоначальник идеи «Пекинского

1. Си Цзиньпин о «китайской мечте»// Китай. 2013.№7. С. 16.

консенсуса» Джошуа Рамо еще в 2008 г., рассуждая по поводу «дефицита репутационного капитала» Китая, отметил, что «только крупномасштабный бренд вроде «американской мечты» способен помочь решению многотрудной задачи определения китайской идентичности»². Китайские обществоведы нащупывали подходы к формированию «китайской мечты» как к новой научной парадигме. В 2011 г. сотрудник Партийной школы при ЦК КПК Чжоу Тяньюн опубликовал монографию «Китайская мечта и китайский путь». Но сейчас, когда о «мечте» заговорили китайские лидеры, эта идея стала частью большой политики и предметом широких комментариев ученых и функционеров. Член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Лю Юньшань выделил несколько главных направлений реализации поставленных целей. Во-первых, ускорить процесс трансформации модели экономического развития, перенести акцент на повышение качества и эффективности развития. Во-вторых, всеми силами развивать народную демократию и твердо идти по пути политического развития социализма с китайской спецификой. В-третьих, содействовать культурному процветанию, обогащать культурную и духовную жизнь народа. В-четвертых, обеспечивать и улучшать народное благосостояние, стараться повысить жизнь народа. В-пятых, упрочивать создание экологической цивилизации, старательно строить красивый Китай»³. Он же дал свое резюме «китайской мечты» как в первую очередь мечты о мире и гармонии.

2. Джошуа Рамо. Бренд «Китай» // Отечественные записки . 2008. №3.

3. Лю Юньшань. О «китайской мечте»// Китай. 2013. №6. С. 16.

ИТОГИ КИТАЙСКОЙ ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ

Появление этого нового китайского концепта имеет свою интригу. Почему такая заявка на национальную реидентификацию появилась не тогда, когда Китай начинал свои реформы и мечтой могло бы быть успешное ее проведение, а только сейчас, когда китайское чудо признано во всем мире и китайская модель вышла на финишную прямую соревнования с Вашингтонским консенсусом? Почему заговорили о «мечте», хотя сама идея подъема Китая и преодоления его экономической отсталости в том или ином виде присутствовала во всех китайских документах эпохи реформ, например: «сильное государство, зажиточный народ», «мирное возвышение», «научное развитие» и т.п.? В чем состоит специфика современного момента китайской действительности?

Налицо колоссальный рост экономического потенциала, преодоление значительной части проблем слаборазвитости и вступление в новую эру «системы-после-бедности». За годы реформы ВВП страны вырос в текущих ценах с 364,52 млрд юаней в 1978 г. до 51932,21 млрд в 2012 г.), а в сопоставимых в 24,25 раза⁴. По общему объему промышленного производства Китай превратился в подлинного экономического гиганта. В 2012 г. в Китае было выплавлено 717,16 млн т стали, было добыто 3650 млн т угля, 207,5 млн т нефти, было произведено 4937,8 млрд кВт/ч электроэнергии, 2210,0 млн т цемента, 73 млн т химических удобрений, было выпущено 19,3 млн

4. Чжунго тунцзи чжайяо. 2013. Пекин. 2013. С. 10, 12.

автомобилей, 128,2 млн штук цветных телевизоров⁵. Хотя по душевым показателям производства Китай отстает от промышленно развитых стран, однако и здесь наблюдается значительный прогресс. Если в 1978 г. на душу населения выплавлялось только 650 кг стали, то в 1997 г. — 2,7 т. Душевое производство электроэнергии за те же годы выросло с 268,4 кВт/ч до 3655,7 кВт/ч, цемента — с 68,2 до 1636,2 кг, нефти — с 108,8 кг до 153,6 кг⁶.

Судя по вышеприведенным данным, к концу первого десятилетия нового века Китай вплотную подошел к выполнению задач так называемой первичной модернизации. Индекс первичной модернизации Китая в 2006 г., построенный на сравнении достижений в экономическом, социальном, информационном и других секторах с рядом эталонных показателей, составил 87%, что соответствовало 68 месту среди 131 страны мира⁷. Современная, четвертая по счету «потребительская революция» сделала объектами обывательских вожделений хорошую квартиру, личный автомобиль, зарубежный тур или даже получение образования в престижных зарубежных университетах. Теперь китайская молодежь имеет широкий доступ к информации, стремится не отставать от требований моды. Полностью удовлетворяется спрос на бытовую технику. В 2012 г. в городе на 100 семей приходилось 98 стиральных машины (в деревне — 67,2), 98,5 холодильников (67,3), 136,1 цветных телевизоров (116,9), 87 персональных компьютеров (21,4), 212,6 мобильных телефонов (197,8), 21,5 автомашин⁸. Итоги кампании по искоренению нищеты в Китае признаются беспрецедентными в мировой практике. Значительно повысилась обеспеченность жильем: с 8,1 кв. м на душу сельского и 3,6 кв. м на душу городского населения в 1978 г. до соответственно 329 и 37,1 кв. м в 2012 г.⁹ Заметно улучшилось качество жилья.

Постепенно идет создание общегосударственной системы социального обеспечения. Уже многое сделано в области доступности

5. Там же. С. 130–132.

6. Там же. С. 17.

7. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуаньци. Москва. 2011. С. 57 (перевод с кит. яз.).

8. Там же. С. 105, 110.

9. Там же. С. 99.

медицинского обслуживания. С 1985 г. действует система обязательного девятилетнего образования. Значительны достижения в сфере высшего образования, общее число студентов превысило 30 млн человек. На учебу за рубеж ежегодно выезжают более 300 тыс. человек.

За годы реформ Китай собрал ворох комплиментов, посрамив всех тех, кто предрекали ему скорый провал. Но в то же время приходится признать, что беспрецедентный экономический подъем достался ему ценой огромных капиталовложений, серьезных экономических диспропорций, слишком высокой зависимости от конъюнктуры мирового рынка, катастрофического ухудшения экологической обстановки. Он потребовал колоссальных трудовых усилий огромных масс населения. Мобилизационная модель экстенсивного экономического роста породила значительную имущественную дифференциацию, обострение социальных противоречий. Отставание доходов трудящихся от роста ВВП свидетельствует о повышении степени эксплуатации, ограничивает величину совокупного спроса. Истощение природной среды при нехватке целого ряда природных ресурсов создает опасность чрезмерной зависимости Китая от импорта сырья и топлива.

Рост потребностей явно опережает рост жизненного уровня, что вызывает снижение субъективной удовлетворенности жизнью и возрастание претензий к руководству. Китай попал в ловушку среднего уровня доходов с характерной для такой ситуации ориентацией на потребительские стандарты Запада и пренебрежением к выравниванию социальных и экономических условий. Поскольку экономические реформы, расширяя участие рыночных отношений, не могут не сопровождаться подключением рыночных ценностей, происходят кардинальные изменения в общественном менталитете, возникает противоречие между новым укладом жизни и господствовавшей прежде культурой. Сейчас уже в открытую говорят о двойной ловушке стратегии реформ — опасности вестернизации и дезинтеграции страны¹⁰.

Рынок и потребительские настроения внесли в жизнь китайского общества культ денег и материального успеха, что так

10. Хуан Чжунпин. Всемерно повышать способность управления. Предотвратить опасность «двух ловушек» // Цюши. 2014. № 7. С. 51.

противоречит традиционным моральным устоям. О нравственном состоянии общества можно судить по опубликованным в официальной печати КНР итогам одного из проведенных социальных исследований с весьма пессимистическим выводом: «...в области строительства гражданской морали у нас в стране существует немало проблем. В некоторых сферах жизни общества утрачены моральные ориентиры, размывты границы между правдой и ложью, добром и злом, прекрасным и отвратительным. Стали произрастать меркантилизм, гедонизм, крайний эгоизм, иногда имеют место забвение долга ради выгоды, личная нажива за общественный счет, общественным злом стали утрата доверия, обман и подлог, серьезный характер приобрели корыстное злоупотребление своим служебным положением, моральное разложение и деградация личности»¹¹.

В разрушении традиционного отношения к семье повинна и политика однодетной семьи, в результате которой Китай недополучил за годы реформы около 400 млн человек. Естественно, что некоторое ослабление демографического давления на ресурсы и природную среду существенно облегчило решение социальных проблем, в частности уменьшило государственные расходы на материальное обеспечение растущего населения и создание новых рабочих мест. Вместе с тем ограничение рождаемости привело к прогрессирующему старению населения, сокращению трудоспособного населения молодых возрастов. Традиция супружеской преданности заменяется свободой добрых и внебрачных сексуальных отношений. В крупных городах распадается около 40% ежегодно заключаемых браков. Поскольку каждый младенец с момента рождения попадает с жаркими объятиями двух родителей и четырех бабушек и дедушек, они превращаются в маленьких семейных императоров, домашних деспотов, которым все дозволено.

11. Цит. по: Переломов А.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: 2007. С. 219.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПУТИ

Проведение реформ оказалось небесконфликтным. Наиболее успешным выглядит сейчас первый этап реформы, когда в выигрыше от нее оказались почти все. Но уже в конце первого десятилетия китайская программа реформ столкнулась с серьезным испытанием. Сравнение выдвигавшихся политических платформ позволяет говорить о столкновении трех разных позиций. В лагере реформаторов-радикалов, чьи идеи питали студенческое диссидентство, было немало приверженцев абсолютного господства рынка, нормальных частнособственнических отношений, широкого развития экономической и политической демократии. Китайские неолбералы стояли за полный и решительный отказ не только от прежних утопических социальных экспериментов маоистского толка, но и от бесперспективного, на их взгляд, реформирования социализма, за снятие всех преград на пути приватизации и установления режима политического плюрализма. Радикальным устремлениям с явной симпатией в отношении либерального капитализма американского типа противостоял другой экстрим – сохранившиеся приверженцы марксистского социализма и идей Мао Цзэдуна, которые усматривали в рыночном реформировании когда-то склонявшуюся на все лады реставрацию капитализма. Они утверждали, что развитие Китая в вестернизаторском русле при ориентации на западную систему ценностей грозит дальнейшим подрывом коллективистских традиций, отступлением от принципа социальной справедливости; разрастанием имущественного неравенства, широким распростра-

нением коррупции; катастрофическим ухудшением экологической ситуации. Китайское руководство, представляя лагерь умеренных реформаторов, выступало за постепенную демократизацию общественной жизни, но без посягательств на решающую политическую и экономическую роль государства и коммунистической партии. Именно такое содержание вкладывалось в официальное понятие «социализма с китайской спецификой».

Победа центристской линии была закреплена в 1989–1992 гг. после Тяньаньмэньских событий и инспекционной поездки Дэн Сяопина по стране, когда вернулись к развитию регулируемой рыночной экономики. Вспышка народного недовольства и распад социалистического лагеря не разочаровали китайских руководителей в возможностях рынка, но убедили их в том, что продолжение рыночных преобразований без надлежащего контроля над процессом может вывести его за черту «усовершенствования социализма», угрожать стабильности общества, целостности государства и руководящей роли КПК.

Реагируя по-своему на стратегию «погони за двумя зайцами» (и план, и рынок), китайские идеологи начали уклоняться от противопоставления социализма и капитализма, якобы потерявшего свою актуальность. Поводом для этого послужило выступление Дэн Сяопина на пленарном заседании Политбюро ЦК КПК в марте 1992 г., в котором он заявил, что не стоит сковывать себя идеологизированными и абстрактными рассуждениями относительно подбора более подходящего имени — социализм или капитализм, а в целях ускорения экономического развития раскрепощать сознание, форсировать проведение реформы, расширять внешние связи. Его же уступка «новым китайцам» («пусть одни обогащаются раньше других») пришлась на годы «нулевого успеха» политики реформ, когда выигрыш одних стал происходить за счет проигрыша других. После кончины Дэн Сяопина в феврале 1997 г. вновь зазвучали отложенные на время вопросы: под каким знаменем Китай вступит в XXI век; по какому пути пойдет страна?

Сложившееся к началу нового тысячелетия китайское смешанное общество можно рассматривать как разновидность рыночного социализма при настрое на сочетание плана и рынка, различных форм собственности, сохранение контролирующей роли

государства, при преобладании оплаты по труду и неизбежной имущественной дифференциации. При рассмотрении особенностей модели социалистической рыночной экономики напрашиваются параллели с политикой «новой демократии», проводившейся в первые годы после образования КНР, и с ленинской концепцией нэпа. При всех пространственных и временных отличиях подобных сравнений поводом для них служит наличие такого сходства, как стремление совместить рыночные отношения с прямым государственным управлением, увязать частные и общественные интересы в рамках построения социализма в экономически слаборазвитой стране.

Но очевидно, что политика нэпа меняла не только тактику продвижения к социализму, но и саму суть социалистического строя, который уже не мог строиться по нерыночному и негосударственному проекту классиков марксизма-ленинизма. Собственно, именно так следует понимать заявление Ленина об изменении самого представления о социализме. Столкновение двух точек зрения на построение социализма (непосредственное и опосредованное) отличает точку зрения на нэп как на короткий период временного отступления от его понимания как относительно длительного этапа предсоциализма или даже начального этапа социализма, через который должны пройти все страны некапиталистического пути развития, преодолевающие свою отсталость. Отказ от нэпа в России в конце 20-х годов был продиктован задачами ускоренной индустриализации. Потребовалась мобилизация всех материальных и финансовых ресурсов и жестокая эксплуатация трудового народа и в городе, и в деревне. Именно этот строй мобилизационного развития при руководящей роли коммунистической партии, при опоре на нерыночные методы регулирования и при господстве государственных форм собственности и вошел в историю под именем «социализм», к которому потом стали добавлять разные определения, чаще всего «государственный социализм». Эта модель социализма, основанная на ограничении товарно-денежных отношений, на господстве централизованно-распределительных связей, на отрицании частной собственности, противоположна нэповской модели (условно «рыночный социализм»), ориентированной на смешанное производство, на использование стоимостных отношений.

Чередование этапов и соответствующих им моделей в Китае отличалось от российского варианта. Китай начинал свое развитие с политики новой демократии, которая схожа с нэпом не только определением «новая», но и многими сущностными чертами. Новую демократию можно считать первой попыткой смешанного развития при широком обращении к капиталистическим методам хозяйствования – частной собственности и рынку – при концентрации политической и экономической власти в руках государства социалистической ориентации. Переключка между этими двумя концепциями прослеживается и в примирительном отношении к национальной буржуазии, и в акцентировании роли крестьянства в качестве ведущей силы народного блока. На практике это означало гегемонию партии, опирающейся на марксистские постулаты.

Но между российской и китайской вариантами новой политики существует целый ряд отличий. В случае Китая это еще более низкий уровень развития производительных сил, более ярко выраженный крестьянский характер революции, более благоприятные внешнеполитические условия, когда экономическое и политическое строительство под лозунгами социализма происходило уже не в одной отдельно взятой стране. Если российский нэп – это чистый пионерный эксперимент, то китайская «новая демократия» – это продолжение идеологии китайского революционного авангарда при широком использовании советского опыта и опоре на его моральную и материальную поддержку. Российский нэп – это временное отступление от социалистического проекта. В Китае после революции отношение к социализму оставалось на стадии симпатии без четкого целеполагания и критического анализа советского опыта. В России «военный коммунизм» предшествовал нэпу, в Китае он был возрожден ортодоксальным маоизмом после отказа от «новой демократии».

Китайское отступление от политики «новой демократии» с началом первой пятилетки было продиктовано теми же соображениями, что и свертывание нэпа в Советской России, а именно переходом к форсированной индустриализации, в которую не вписывалась буржуазия, оппозиционно настроенная к новой власти. Но в отличие от России, где инициатор политики уже не мог за нее постоять, в Китае отступником стал сам инициатор «новой демокра-

тии», что рождает сомнения в его искренности либо в одном, либо в другом случае. Попытка претворить в жизнь утопические прожекты в годы «большого скачка» завершилась экономическим кризисом, выход из которого искали с привлечением политики урегулирования экономики, предусматривавшей развитие разделения труда, товарно-денежных отношений, использование экономических рычагов в целях повышения эффективности производства и улучшения жизни народа. Терпимое отношение к материальной заинтересованности, кустарям-единоличникам, приусадебным участкам и подсобным хозяйствам крестьян — все эти элементы экономической политики урегулирования в период «культурной революции» клеймились как «реставрация капитализма».

Уже после смерти Мао Цзэдуна, разрабатывая стратегию реформ, китайские лидеры пошли на полный разрыв с прежней догматической традиционной моделью социализма в ее маоистском варианте, основанной на административно-командных методах управления, широком обобществлении производства и внешнеэкономической замкнутости. Предложения относительно того, чтобы «пойти на выучку к капитализму», отступить назад, дабы усвоить азы капиталистического предпринимательства, китайским идеологам удалось перевести в русло использования рыночной экономики и частной собственности ради совершенствования социализма.

В принятом в 1981 г. «Решении ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» была дана высокая оценка «новой демократии», которая заслужила признание «исторического вклада в марксизм». В заслугу Мао Цзэдуна была поставлена его инициатива проведения «открытой политики» и индустриализация через свободное предпринимательство и при помощи иностранного капитала¹².

Вследствие своей компромиссности «рыночный социализм» китайской реформы, с его двойственностью «и план, и рынок», оказался уязвимым перед обрушившейся на него критикой с двух сторон. Критики справа видели прежде всего половинчатость преобразований, их несистемный характер, осуждали отставание политических реформ, списывая все огрехи на бюрократизм и дав-

12. Чжунгундан ши тунсюнь. 25.08.1990. С. 6.

ление КПК. Критики слева убеждены в недолговечности модели «рыночного социализма» и идентичности цивилизованного рынка варварскому капитализму.

О капиталистическом перерождении Китая очень любят порассуждать на Западе. Но и среди российских ученых бытуют схожие мнения. Идут разговоры о том, что понятие «социализм с китайской спецификой» отдает больше дань недавнему коммунистическому прошлому китайских лидеров и китайского общества, чем заявление, несущее важную концептуальную нагрузку¹³. Российские синологи неolibерального направления предлагают квалифицировать китайскую модель как «китайское издание государственного капитализма»¹⁴, а российские экономисты с марксистскими симпатиями убеждены в том, что китаизированный социализм воспроизводит и будет дальше воспроизводить многие беды, свойственные капитализму, а именно: неравенство в доходах и благосостоянии; негативные эффекты, связанные с разрушением окружающей среды; коммерциализацию общества и стремление к беспрестанному наращиванию индивидуального потребления; макроэкономическую нестабильность, включая безработицу и инфляцию; недопроизводство общественных благ¹⁵.

13. Социально-экономические модели в современном мире и путь России. С. 637.

14. Буров Владислав. Современный китайский марксизм. К итогам ХУП съезда КПК // Свободная мысль. 2008, №2. С. 39.

15. Бузгалин А.В. Десять тезисов о рыночном социализме // Альтернативы. 2001. №1.

СОВРЕМЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Начало XXI в. следует считать точкой бифуркации, когда экономическая ситуация в стране значительно обострилась и встал вопрос об изменении стратегии развития. Предстояло осуществить новую серию реформ, более сложных, чем проведенные ранее. Можно выделить три основных блока проблем: 1) экономические проблемы, связанные с особенностями исторического развития, включая природно-географические и демографические, решение которых требует более продолжительного времени; 2) проблемы, порожденные самими рыночными преобразованиями, включая их незавершенность и допущенные просчеты; 3) проблемы международного характера, в частности, связанные с мировым финансовым кризисом. Китай вступил в полосу снижения темпов экономического роста, удорожания рабочей силы, сокращения экспортного спроса и разрастания избыточных промышленных мощностей. Некоторые тлеющие конфликты резко повысили градус своей напряженности. В первую очередь это касается нехватки земли для городского и транспортного строительства и спекуляции земельными участками, произвольно изымаемыми у крестьянских хозяйств. Колоссально возросла армия сельских мигрантов, численность которой достигла 200–250 млн человек, что уже сопоставимо отдельно с числом сельских работников и с количеством городских рабочих. Эти «изгои» быстрой индустриализации не имеют городской прописки и одновременно не имеют ни постоянного места работы, ни постоянного места жительства, ни равного со своими соседями-горожанами доступа к услугам государственной системы здравоохранения и образования, вынуждены существовать без оставленной в деревне семьи, пересылать своим родным значительную часть скудной зарплаты.

И в среде специалистов, и среди обывателей многие приходят к выводу, что действовавшая до сих пор модель развития себя исчерпала, что китайская реформа подверглась сильному влиянию вестернизации, пожертвовав в погоне за экономическим ростом и модернизацией своей естественной средой, многими своими традициями, прежде всего традициями семьи и нравственности, допустив поляризацию общества¹⁶. Путь преимущественно экстенсивного роста, которого до сих пор придерживался Китай, основывался на изжившей себя формуле «высокие темпы роста – высокая капиталоемкость и материалоемкость производства – серьезное загрязнение природной среды – невысокая производительность труда – сравнительно низкая оплата труда». Серьезные претензии выдвигаются сейчас и по отношению к тактике проведения реформ («переходить речку, нащупывая камушки под ногами»). «Китайская реформа до сих пор шла полустихийно – что не проходит, то нужно исправлять. Это вело к растранижению налоговых поступлений, преждевременной приостановке многих начинаний. Это касается и реформы госпредприятий, и строительства «новой деревни». По существу все надо начинать заново»¹⁷.

Смена модели социально-экономического развития Китая гипотетически могла бы идти в двух направлениях.

Один путь – проведение демократических преобразований и углубление рыночных реформ при ориентации на политические нормы и технику Запада, рецепты «асоциального рыночного хозяйства». Это позволило бы довести до логического конца уже начатые преобразования (приватизация государственных предприятий, реформа банковской системы), сэкономить на социальных издержках, использовать все потенции стратегии «сравнительных преимуществ», несбалансированного развития и политики внешнеэкономической открытости. Такой путь развития с либеральным и вестернизаторским уклоном чреват дальнейшим ростом имущественного неравенства, обострением социальной напряженности и углублением экологического кризиса.

16. Чжунго гайгэ. 2006. №5. С. 9.

17. Чжу Фуцян. Чжунго цзинцзи куайду фачжань ды чжиду иньхуань (Скрытые институциональные просчеты в проекте быстрого экономического развития // Шэхуэй кэсюэ яньцзю. 2011. №1. С. 35.

Второй путь – переход к автохтонной модели развития и такому варианту «социального рыночного хозяйства», который позволил бы связать модернизацию как ответ на глобальные трансформационные вызовы с соблюдением принципов социальной справедливости и солидарности. Рост оплаты труда, увеличение числа рабочих мест, развитие здравоохранения, науки и образования – главный способ повышения качества рабочей силы и перехода с экстенсивного на интенсивный путь развития. Эта модель предполагает разграничение сфер рыночных отношений и государственного контроля, удержание в определенных пределах имущественного неравенства, сокращение региональных диспропорций и ослабление зависимости экономического роста от экспорта. Дополнение требований «смешанной экономики» набором моральных норм, включая принципы коллективности и соблюдения социальной справедливости, усиливает позиции идеологов национализма.

Решения политических форумов в первое десятилетие XXI в. дали основания предположениям о наличии серьезных разногласий внутри китайского руководства в отношении общего курса реформ. Современные китайские публикации свидетельствуют о том, что неолиберальный путь развития имел своих сторонников: «В недалеком прошлом, – пишет заместитель главного редактора журнала «Цюши», – нашлись те, кто под предлогом политической реформы ратовали за западную политическую систему, пропагандировали нигилистический взгляд на историю, неолиберализм, социал-демократизм, преподносили западную модель как «общечеловеческую ценность». Эти люди игнорировали факты улучшения китайской позиции в мире, заявляли, что реформу в Китае можно проводить, только заимствуя западные «общечеловеческие ценности» и западную конституционно-политическую систему, настаивали на том, чтобы идти по западному пути. Эти ошибочные установки разлагали социалистическое сознание в нашей стране, препятствовали политике реформ и открытости, проведению социалистической модернизации»¹⁸.

18. Хуан Чжунпин. Всемерно повышать способность управления. Предотвратить опасность «двух ловушек» // «Цюши». 2014. № 7. С. 51.

На официальных форумах неолиберальные взгляды не получали поддержки. На проходившем в 2002 г. XVI съезде КПК прозвучала задача «усовершенствования системы социалистической рыночной экономики» и были обозначены основные ориентиры следующего этапа реформы: 1) продолжение рыночных реформ, 2) поддержка развития негосударственного сектора экономики, 3) ускорение урбанизации, 4) дальнейшая перестройка государственного аппарата с изменением государственных функций, 5) охрана окружающей среды, 6) улучшение качества жизни населения, что предполагает дальнейшую борьбу с бедностью, развитие здравоохранения, образования, науки и техники.

Позиция руководства «в социалистическом ключе» еще более четко была изложена на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва, который в продолжение традиции особой значимости третьих пленумов сформулировал новую концепцию развития – сбалансированного (*сецуйой*), всестороннего (*цюаньмянь*), устойчивого (*кэчисуй*). Узкая направленность на количественные параметры роста начала постепенно вытесняться понятием оптимального и качественного экономического роста, что подразумевает привлечение достижений науки и техники, совершенствование отраслевой и региональной структуры производства, снижение себестоимости, повышение эффективности производства и качества продукции.

Невестерниаторский характер процессов развития был закреплён в решениях 5-го (октябрь 2005 г.) и 6-го пленума 2006 г., определившего цель построения социализма – гармоничное общество. Углубление рыночных реформ стало все больше идентифицироваться с построением общества «сяокан» в духе известной идеологии традиционного Китая, получившей вторую жизнь. Воплощая в себе конфуцианский принцип человечности и одновременно новое понимание роли творческой личности в общественной жизни, «сяокан» (малое благосостояние) означает ликвидацию бедности, доступность для каждого благ цивилизации, наполнение жизни богатым духовным содержанием.

Научные и партийные издания развернули пропаганду за сохранение морально-этических норм и лучших традиций китайского народа, за заимствование наиболее достойных образцов из передовой культуры государств мира. В соответствии с принятой еще в 2001 г.

«Программой строительства гражданской морали» на щит поднимались следующие моральные принципы: любовь к родине и исполнение закона, четкое следование правилам общежития, искренность и доверие в отношениях между людьми, сплочение и дружелюбность, трудолюбие, бережливость и самоотверженность, служение своему долгу. Все они входят в конфуцианский моральный кодекс, который призывает также к умеренности в потреблении, соблюдению золотой середины, толерантности и терпимости в отношениях с другими. Еще одной инновацией идеологической пропаганды стал лозунг «Все во имя человека» (*«и жэнь вей бэнь»*). В духе высоких моральных ценностей как общечеловеческих, так и свойственных китайской цивилизации, он акцентирует внимание на качестве человека, прежде всего его познавательной способности, и качестве общества, измеряемого степенью удовлетворения материальных и духовных потребностей человека. Задаче смены экономической модели было уделено важное место в плане 12-й пятилетки (2011–2015 гг.).

На последующих политических и экономических форумах особое внимание отводилось ликвидации пяти дихотомий: экономическое и социальное развитие, город и деревня, приморские и внутренние регионы, человек и природа, внутреннее развитие и внешняя открытость. «Новая модель развития» нацеливала на более решительные действия по интенсификации экономического роста, охране природной среды, повышению престижа духовной и интеллектуальной сфер в пике материальному потребительству. XVII съезд КПК (2007 г.) подтвердил линию на продолжение рыночных преобразований при надлежащем контроле со стороны государства.

Однако команда Ху Цзиньтао, в бытность которой складывалось представление о содержании новой модели развития, уклонялась от решительных действий по ее претворению в жизнь. Сейчас в китайской прессе можно встретить заявления о том, что благоприятный момент, когда экономика находилась на подъеме, а мировая конъюнктура более или менее была благоприятной для реализации китайской продукции, оказался упущенным. Некоторые даже называют нулевым потерянным десятилетием. Современная критика допущенных просчетов и настойчивые заявления Вэнь Цзябао о необходимости политической реформы наводят на мысль о симпатиях тогдашних руководителей КПК к неолиберальному курсу.

18-Й СЪЕЗД КПК И НАЧАЛО НОВОГО ЭТАПА «УГЛУБЛЕНИЯ РЕФОРМ»

Пограничный между двумя поколениями китайских руководителей 18-й съезд КПК (2012 г.) проходил в довольно напряженной обстановке последствий мирового экономического кризиса и осложнения ситуации в самом Китае. Это первый год, когда ожидалось сокращение темпов роста ВВП до менее 8% (поставленная цель удвоения объема ВВП в промежутке 2010–2020 гг. исходит из поддержания среднегодового прироста этого показателя на уровне 7%). В докладе покидавшего пост генсека КПК Ху Цзиньтао было упомянуто, что Китай вышел по общей величине ВВП на второе место в мире, вместе с тем подчеркивалось, что он остается слаборазвитой страной, в которой наличествует противоречие между постоянно растущими материальными и духовными потребностями народа и относительно слабой экономической базой.

Доклад можно рассматривать как преданность проводившейся до сих пор политике партии и незыблемость прежних идеологических установок: марксизм (иногда марксизм-ленинизм), идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина, концепция «трех представительств» Цзян Цзэминя, концепция «научного развития», которая в различных работах представляется как главный теоретический вклад самого Ху Цзиньтао. Были повторены все прежние лозунги гармоничного, сбалансированного развития, «человек — основа основ», приоритета общественной собственности на средства производства при развитии многоукладной экономической системы, а также все задачи индустриализации, информатизации, урбанизации, созда-

ния новой деревни, построение общества «сяокан». Были отмечены достижения в строительстве «социализма с китайской спецификой», которое удалось за последние 10 лет «поднять на новый более высокий уровень», с оговоркой, что Китай по-прежнему находится на начальной стадии социалистического развития и не выйдет за ее пределы еще в течение нескольких десятилетий.

Еще раз была подчеркнута необходимость смены «методов экономического развития», что в официальном переводе на русский язык звучит как «смена экономической модели», хотя в китайском оригинальном тексте был использован не принятый термин «*моши*» (модель), а «*фаниши*» (способ). Слова Ху Цзиньтао о том, что Китай ни в коем случае не должен имитировать западную политическую модель, можно расценить как признание (возможно, вынужденное) победы автохтонной линии развития. Им были перечислены основные моральные ценности формирующейся китайской модели. На личном уровне это любовь к Родине, преданность работе, добросовестность, благонамеренность. На уровне семьи – свобода, равенство, справедливость, опора на закон. На уровне государства – стремление к богатству и могуществу страны, демократичность, цивилизованность и гармония. Основную универсальную ценность, которая должна существовать на уровне всей планеты, докладчик определил как «мир всюду под Небесами», экологическая безопасность.

Новая экономическая модель призвана сохранить преемственность прежнему рыночному курсу и обеспечить поддержание достаточно высоких темпов роста, одновременно сменить приоритеты и ликвидировать возникшие диспропорции.

Первоочередные задачи:

- переход на интенсивный путь развития с повышенным вниманием к эффективности производства и его ресурсоемкости;
- реструктуризация промышленности с акцентом на развитие отраслей, генерирующих интеллектуальную ренту, и на сокращение избыточных мощностей в базовых отраслях;
- изменение налоговой системы с целью снижения социальной дифференциации, увеличение налоговой нагрузки на богатых;

- повышение внутреннего спроса через рост доходов работников и расширение сферы образования и здравоохранения;
- ускорение урбанизации при соблюдении принципа «скоординированного развития города и деревни» и легализации городского статуса деревенских мигрантов;
- укрепление государственного макрорегулирования экономики, борьба с «рыночным фундаментализмом», увеличение доли ВВП, распределяемой по нерыночным критериям;
- улучшение работы административного аппарата, борьба с коррупцией;
- активизация политической реформы с особым акцентом на демократизацию внутрипартийной деятельности, активизацию профсоюзов и кооперативного движения;
- легитимизация земельных отношений при соблюдении интересов крестьянства во всех операциях с землей;
- повышение внимания к экологическим проблемам;
- ослабление зависимости экономики от внешнего фактора.

Риторика современных документов и китайской прессы создает впечатление о раскладе карт в пользу рынка. Падение эффективности капиталовложений, сокращение доходов от экспорта, рост государственной задолженности намерены скомпенсировать улучшением рыночной конъюнктуры (частного предпринимательства и частных капиталовложений, конкуренции и т.п.). Рынок признается главным инструментом политики распределения. К тому же в стране сложился союз элит, заинтересованных в сохранении взятой стратегии развития и настроенных на углубление реформ в рыночном стиле.

Вместе с тем нет оснований делать заключения об отступлении государства. Выступая на 3-м пленуме ЦК КПК в ноябре 2013 г., Си Цзиньпин назвал важнейшей проблемой углубления реформы достижение правильного соотношения рынка и государства. Касаясь вопроса, каким должен быть рынок и какую функцию призвано выполнять государство, он отметил, что следует избегать как тотальности рынка, так и чрезмерного государственного вме-

шательства в хозяйственные процессы. Государство, по-видимому, сокращает свое вмешательство в сфере микроэкономики, но сохраняет свои позиции в макроэкономике, особенно в крупных проектах, где действует комплексный подход, целостное видение, основанное на согласовании политических, экономических и социальных решений.

Новое интегральное содержание стратегии реформ можно проследить на двух примерах. Один — продолжение реформы госпредприятий, но уже не столько через расширение их хозяйственной самостоятельности, использовании таких форм, как акционирование и аренда, сколько через совершенствование высшего звена управления, создание специального органа управления госимуществом, выполняющего функцию государства-собственника и работающего параллельно Госсовету как исполнителя задач административного управления. Другой пример — переход от дуальной системы город—деревня с самостоятельным проведением реформ сельских и городских реформ к интеграции города и деревни и осуществлению широкомасштабной программы урбанизации, в ходе которой решается проблема сельских мигрантов, помощи селу, выравнивания по всей территории качества предоставляемых услуг, создание единого правового поля использования земли.

ЗАДАЧА «ВОЗРОЖДЕНИЯ КИТАЯ»

Судя по высказываниям лидеров КПК и интерпретации их в китайской прессе, некоторая неопределенность в вопросе выбора пути развития уже заканчивается. 5 января 2013 г., выступая на совещании Политбюро ЦК КПК, Си Цзиньпин сказал: «Социализм с китайской спецификой – это именно социализм и ничто другое. Принципы научного социализма остаются неизменными. Если от них отступить, то это уже будет не социализм»¹⁹. Если раньше принято было считать, что китайская модель базируется на двух равных основах: во-первых, наличие сильной государственной власти и, во-вторых, поступательное расширение и углубление рыночных отношений, то теперь все чаще вспоминают о таком социалистическом принципе, как господство общественной собственности на средства производства. «Китайская специфика» трактуется как соединение рынка с господством общественной собственности. В статье Чжу Цзяою «Социализм с китайской спецификой – единство теоретической логики социализма и исторической логики развития китайского общества» даже подвергается сомнению само существование тезиса Дэн Сяопина в отношении отказа от «измов»: «Дэну приписывается фраза о его безразличии к «фамилиям» капитализм и социализм. Но он такого не говорил. Наоборот, он предупреждал, что крайне важно в процессе реформ следовать социалистическому пути и «четырем принципам». Он также не отрицал важности дискуссий. После событий 1989 г. он говорил: «Некоторые товарищи хотели бы вместо слова «реформа» употреблять слова «либерализация», «капитализация». В их понимании реформа – это и есть

19. Цит. по: Дандай Чжунго яньцзю. 2013. №3. С. 4.

капитализация. Наше же представление о реформе принципиально иное. Этот вопрос следует тщательно обсудить»²⁰.

После появления понятия «китайская мечта» разговоры о «китайской модели» несколько приутихли. На этапе смены модели, когда новая модель еще не сложилась, лозунг «китайская мечта» с более широким содержанием и меньшей определенностью дает определенный резерв времени и своего рода подсказку для формирования новой стратегии. Если модель — это утилитарный и вполне конкретный институт, то концепт мечты, призывающий к возрождению нации, несет, помимо политического и экономического, особо важное идеологическое содержание. Нельзя отрицать, что до сих пор планы догоняющего развития строились при значительной ориентации на зарубежный опыт — сначала советский, потом американский, европейский и японский. Не избежал Китай и мощного воздействия западной мысли. Показательно, что самые крупные китайские революции — потерпевшее поражение восстание тайпинов XIX в. и победоносная революция 1949 г. — опирались на западные учения — христианство и марксизм. Включенное в «китайскую мечту» положение о «национальном возрождении» следует понимать прежде всего как официальную реабилитацию традиционной китайской мысли, как своего рода ренессанс конфуцианства.

В республиканскую эпоху и в эпоху КНР конфуцианство утратило свои позиции государственной идеологии. Отношение к нему как стержню китайской культуры соседствовало с общей негативной оценкой его пригодности в плане преодоления экономической отсталости и решения социальных проблем. В предреволюционной ситуации недовольство населения действиями правителей, естественно, распространялось и на конфуцианское учение, использовавшееся властями для собственного возвышения и закрепления своих привилегий. Столкнувшись напрямую с превосходством западной цивилизации, прогрессивно настроенные китайские интеллектуалы также начали отворачиваться от конфуцианства, обвиняли его в косности и консерватизме, сдерживании общественного развития, в конечном счете, в военных поражениях

20. Там же. С. 7. Ссылка на Дэн Сяопина: Избранные произведения Дэн Сяопина. 3-й том. 1993 г. С. 137–138 (на кит. яз.).

китайской империи. Это разочарование порою доходило до преклонения перед западным опытом развития, успехи которого ассоциировались с основными принципами либерализма — равенство, свобода, народный суверенитет, демократия. Наиболее яркому представителю китайских либералов Ху Ши принадлежит фраза: «Без всякого почтения я осуждаю нашу восточную цивилизацию и горячо воспеваю современную цивилизацию Запада»²¹.

У Ху Ши были свои сторонники и свои противники. В значительной мере интуитивно прогрессивные общественные деятели Китая понимали опасность развития по капиталистическому пути. Помимо тех опасностей, которые связаны с проникновением частнособственнических интересов, ориентацией на потребительское общество, нарушением экологического баланса, капитализм представлял собой угрозу социальной стабильности и единству территории государства. Разочарование в прогрессивности буржуазного строя и успехи первого социалистического государства в мире, а также исторически сложившаяся предвзятость в отношении частной инициативы объясняют широкий настрой на социализм при крайне нечетких представлениях о его подлинном содержании. Социалистическая идеология воспринималась больше в той части, где существовала перекичка с крестьянскими утопическими воззрениями: обобществление средств производства (полное обобществление имущества); уничтожение социального неравенства (уравнительное распределение); коллективистские начала общественной жизни (клановая взаимопомощь).

Многие китайские интеллектуалы отдавали предпочтение проекту смешанного развития страны как промежуточного этапа к построению социализма при установлении альянса между интересами труда и капитала и использовании капитализма для ускорения экономического подъема страны (широкое использование мирового опыта). Можно сослаться на первого президента Китайской Республики Сунь Ятсена, представления которого о будущем обществе народного благосостояния как конечной цели освободительной борьбы китайского народа сформировались как под воздействием европейских социалистических учений, так и под воздействием

21. Цит. по: История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998. С. 430.

китайской утопической традиции, и сейчас выглядят как очень близкие к понятию общественного синтеза, сочетания традиционности и модерности, рыночных начал и государственного управления²². Он не отрицал использования частной собственности, но при одновременном широком создании государственных предприятий, особенно в отраслях тяжелой промышленности, не отвергал частное земельное владение, но при наличии государственной системы поземельного налогообложения, активно выступал за привлечение иностранного капитала в целях создания собственной мощной индустрии. «Моя идея, — писал Сунь Ятсен, — состоит в желании использовать иностранный капитализм для создания социализма в Китае, так, чтобы гармонично сочетая эти две экономические силы, двигающие человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации»²³. Как яркий противник «экономической силы меньшинства, монополизирующего богатства общества», Сунь Ятсен стоял за активную роль государства, что было в традициях китайской нации, но государства «нового типа», а именно управляемого народом и служащего интересам народа (т.е. за подлинную демократию). Будущее экономическое развитие Сунь Ятсен представлял как сосуществование и развитие частной и государственной собственности. «Промышленное развитие Китая, — писал он, — должно осуществляться по двум линиям: по линии частных предприятий и по линии государственных предприятий. Во всех случаях, когда дело можно поручить частному лицу и когда последнее может вести дело лучше, чем государство, следует дать этому лицу такую возможность, причем подобная деятельность должна поощряться государством и охраняться законом... Все же дела, которые не могут взять на себя частные концерны, и дела, носящие монополистический характер, должны осуществляться в государственном порядке»²⁴.

Своей второй жизнью конфуцианство обязано в первую очередь Дэн Сяопину, возродившему общественный интерес к конфуцианской идее «сяокан». Вместе с ней китайские реформаторы по

22. Сухарчук Д. Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. М., 1983. С. 48.

23. Сунь Ятсен. Программа строительства страны. Избранные произведения. С. 321.

24. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1964. С. 291–292.

существо реанимировали схему общественного развития, которой придерживались древние китайские мыслители, выделявшие фазы расцвета и падения страны, прогнозировавшие переход от состояния хаоса к восстановлению упорядоченности.

Традиционная диалектика, незнакомая с понятием борьбы противоположностей, базировалась на концепции «хэ» («единство в многообразии») поиска третьего, с которой перекликалось понятие золотой середины, которое можно расшифровать как:

- соблюдение необходимой умеренности и неприятие двух крайностей — избытка и недостатка;
- осуждение всякой крайности и стремление к полноценной и осмысленной жизни;
- примирение противоборствующих сторон, утверждение принципа толерантности;
- выработка усредненных норм и ценностей, приемлемых для широких слоев населения, снятие напряженности оппозиционных ориентаций;
- более сложное понимание общественного прогресса и поэтапное достижение поставленных целей (не напрямик, а в обход)²⁵.

Следуя этой логике, управление — это постоянное изменение не только тактики, но и самой стратегии; не только методов достижения цели, но и самой цели. В соответствии с таким подходом государственное управление — искусство, которому нужно учиться и которым необходимо кропотливо овладевать.

Конфуцианский принцип человечности исходил из презумпции способности человека как на добро, так и на зло, что отводило важную роль процессу обучения и воспитания. Конфуцианцы считали, что человеком можно мудро управлять, побуждая его к самосовершенствованию; при этом насилие допустимо лишь в исключительных случаях. Образование ценилось как познание нравственных ценностей, а практика и жизненный опыт как их реализация. В условиях экзаменационной системы на занятие административных должностей каждому предоставлялась возмож-

25. Цзэн Шицян. Чжунгоши ды гуаньли (Управление китайского типа. Чжунго шэхуэй кэсюэ чубань-шэ. Пекин. 2005. С. 36.

ность стать государственным служащим и продвигаться вверх по иерархической лестнице. Приобретение богатства не осуждалось, ибо оно обеспечивало удобства жизни и получение знаний, однако стяжательство, расточительность и чрезмерная гордость осуждались как проявление недопустимых излишеств.

Анализируя постулаты китайской реформы, можно провести ряд параллелей с древними философскими учениями и конфуцианской этикой:

- общая целенаправленность на возрастание мощи государства и повышение благосостояния народа. Задача реформы формулируется как создание рыночной и многоукладной экономики, но достижение этой цели отодвигается на будущее, а сам процесс реформирования разбивается на ряд этапов со своими, более скромными целями. Место амбициозных вариантов занимают поиски «третьего пути»;
- предпочтение отдается тактике движения не напролом, а в обход, не разрушению существующих структур, а их дополнению новыми, не «вместо», а «вместе». Успешному проведению реформы во многом помогло хозяйственное экспериментирование, исключавшее беспепелляционное навязывание амбициозных установок;
- общая установка на установление гармонии различных интересов. Показательно, что удалось избежать серьезных социальных издержек в ходе проведения реформы, сохранить политическую и социальную стабильность, избежать раскола страны и серьезных социальных катаклизмов;
- конечной целью социального управления в современном обществе провозглашается человек, его становление и развитие в самом широком смысле. На первый план выдвигаются достигнутые в результате всего предшествующего исторического процесса качество человека, прежде всего его познавательная способность, и качество общества, степень удовлетворения материальных и духовных потребностей человека.

Только единожды за всю историю реформ политическая борьба по поводу выбора пути общественного развития приняла

крайне острые формы. Это случилось в 1989 г., когда правительство прибегло к вооруженному подавлению студенческих манифестаций, что привело к большим человеческим жертвам. В остальное время властям удалось сдерживать противоречия между различными группировками, не доводя их до открытого конфликта.

Опасность господству идеологии марксизма-ленинизма шла в годы реформ уже не со стороны канонов прошлого, а со стороны идей процветающего Запада. Либерализм стал предметом самого пристального внимания не только ученых-экономистов, но и достаточно широких слоев городского населения, особенно молодежи и интеллигенции. Именно влиянием либерализма можно объяснить оппозиционные настроения студентов, которые привели их на площадь Тяньаньмэнь, негативное отношение некоторых представителей СМИ к конфуцианству как немаловажному препятствию на пути модернизации Китая. Ярким примером открытого осуждения конфуцианства как отголоска отжившей китайской культуры может служить получивший скандальную известность пятисерийный телевизионный сериал 1988 г. «Хэшан» («Трагедия на реке»), в котором либерально настроенные противники правительственного курса вылили на экран всю свою неприязнь к окутавшей Китай желтизне — лессовой почвы, воды рек, коже лиц, окраске крыш дворцов и императорских одежд.

Современное привлечение конфуцианства и подчеркивание своей культурной самобытности можно рассматривать как реакцию на опасность разрушительного воздействия западной цивилизации, идущее по каналам рынка. Конфуцианство ценно в первую очередь как школа этического управления государством на основе сложившихся традиций и общепринятых правил человеческого общежития, объединительным началом которых служит Культура с большой буквы. Согласно конфуцианской логике, успех управления зависит в первую очередь от состава управляющих и согласования общественных и личных интересов. Принцип самосовершенствования управляющего («сюцзи») предполагает и высокий квалификационный уровень управляющего, и его нравственное кредо. Лучшим правителем считался тот, которого «народ не замечает», поскольку установленный им порядок соблюдается всеми членами общества и действует как бы сам собой. Но за уста-

новление такого порядка правитель несет полную ответственность перед всем народом²⁶.

В китайских традициях эффективность управления принято оценивать не только с точки зрения достижения поставленной цели, но и с точки зрения сбережения общего благополучия, понимаемого в широком смысле и как безопасность, и как материальное благосостояние всех членов общества, и как их удовлетворительное психологическое состояние. Личность выступала как воплощение коллективности, как обязанность соблюдать интеграционные интересы иерархически построенного человеческого сообщества (семья, клан, государство), что вело к укоренению в национальном сознании представления о величии власти и одновременно о ее миссии сохранения государственного целого и обеспечения общественного блага.

Выдвижение «китайской мечты» снимает остроту дискуссий по поводу китайской модели. В тот исторический момент, когда старая китайская модель себя исчерпала, а новую еще только предстоит создать, правыми оказываются и те, кто сомневается в наличии самой модели, и те, кто считают существование таковой вполне бесспорным. Очевидно, что как и реформистская «модель-1», так и «модель-2», носят характер переходных конструкций. Удастся ли Китаю продолжить наметившееся сочетание модернизации и традиции и придать ему системную прочность? Исследователей этих феноменов по существу волнует один и тот же вопрос, можно ли считать китайскую модель в изначальном или модифицированном виде работоспособной или же прав изобретатель термина «смешанная экономика» Людвиг фон Мизес, пришедший к заключению о «нежизнеспособности объединения рыночного хозяйства и плановой экономики».

Перечитывая работу Гринберга и Рубинштейна, я натолкнулась на такое замечательное высказывание Марка Блауга: «Чтобы победить старую теорию, недостаточно подвергнуть разрушительной критике ее предпосылки или собрать новые факты — надо

26. В работе Р. Гринберга и А. Рубинштейна есть упоминание о господствовавшей в Европе до середины XVIII в. идеи «просвященного деспотизма», или «отеческой монархии», где мудры и справедливый государь отдает все силы служению общественному благу (Гринберг Р., Рубинштейн А. Основания смешанной экономики. М., 2008. С. 35). Китайцы говорили о том же на два с лишним тысячелетия раньше.

предложить новую теорию»²⁷. «Китайская мечта» — это реакция китайского руководства на возникший запрос создания собственного уникального проекта общественного развития. Пока этот проект полностью не сложился, но поставленные социальные задачи, очевидный отказ от чисто потребительских предпочтений и подключение неиндивидуалистических мер мобилизации личностных ресурсов — все это говорит о социалистической направленности современных стратегических поисков.

Условия глубочайшего кризиса во многих странах и неизбежный вследствие этого кризис всего нынешнего мироустройства повышают престиж китайской модели, ее восприятие в качестве привлекательной институциональной инициативы и образца развития для всего азиатского региона и далеко за его пределами. Если раньше китайские стратеги, ориентируясь на опыт «новой демократии» и нэпа сумели стимулировать экономический рост и увеличить экономический потенциал своей страны, то теперь речь идет о переходе китайской цивилизации на новый уровень сложности, о создании модели «нового социализма», синтезирующего модернизационные требования с сохранением основ собственной культурной идентичности, совмещающего экономическую эффективность и социальную справедливость, правовой порядок и устоявшиеся моральные нормы. Китайская сверхзадача состоит в том, чтобы построить на основе китайских ценностей такой строй, такую материальную и духовную культуру, которая, взяв начало в Китае, будет служить всем странам и полностью отражать все многообразие и богатство различных цивилизаций.

* * *

Никому не запрещается иметь свою мечту, но далеко не каждая мечта может претендовать на звание «великого социального мифа», представляющего интерес для всего человечества. До сих пор такой ореол окружал Американскую мечту и Советскую мечту, олицетворявших два альтернативных варианта общественного развития. Исчезновение Советской мечты на какое-то время сделало США монополистом социального идеала, но ненадолго. Теперь

27. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М. 1994. С. 659.

у Американской мечты появился новый соперник – Китайская мечта, за которой стоит экономическая мощь и политический авторитет новой великой державы мира – быстро развивающегося древнего Китая. Новый девиз современного поколения китайского руководства знаменует окончательное преодоление комплекса неполноценности и непреклонную веру в будущее, в возрождение прежнего величия.

Экономическое соперничество двух мировых гигантов дополняется конкуренцией двух различных национальных культур со схожими претензиями. Обе державы имеют основания считать себя центром мира и гордиться своими экономическими и культурными достижениями, обе отличаются устремленностью к совершенству – «идти вперед, все выше и выше». Благополучие Америки обеспечено трудом и талантами мигрантов-пассионариев, властью доллара и структурой своего производства, позволяющей получать дивиденды от неэквивалентного обмена, а еще особо благоприятным географическим положением, спасавшим его от бурь мировых войн. Китай сотворил свое экономическое чудо за счет труда и материальных ограничений своих тружеников, благодаря рациональной политике руководства и благоприятной международной конъюнктуре.

На ковер вышли две главные державы мира – молодые по историческим меркам Соединенные Штаты Америки, до сих пор привлекающие мигрантов со всего мира возможностями свободного предпринимательства, и древний Китай, вырвавшийся из тенет бедности и не позволивший погибнуть социалистической идее. Выбор идет между двумя наборами ценностей – достоинство индивида, его неотчуждаемые права на свободу и равные возможности, на полное удовлетворение своих безграничных материальных потребностей либо примат государственных интересов, коллективизм, общественный долг, скромность и бережливость. Мечты двух народов отличаются своими идентификационными доминантами – в одном случае – примат личностных интересов над общественными и государственными. В другом случае – примат государственных и общественных интересов над личностными. Кому суждено одержать победу – «свободному и успешному американцу в свободной и успешной стране» или «разумному и ответственному китайцу в стране Разума и Гармонии»?

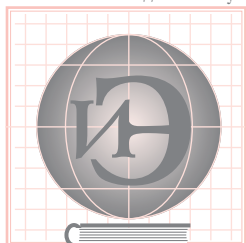
ЛИТЕРАТУРА

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М. 1994. с. 659.
2. Бузгалин А.В. Десять тезисов о рыночном социализме// Альтернативы. 2001. №1.
3. Буров Владилен. Современный китайский марксизм. К итогам ХУП съезда КПК // «Свободная мысль», 2008, №2.
4. Сухарчук Д. Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. М., 1983.
5. Дандай Чжунго яньцзю. 2013. №3.
6. Джошуа Рамо. Бренд «Китай» // «Отечественные записки». 2008. №3.
7. Избранные произведения Дэн Сяопина. 3-ий том. 1993 г. (на кит. яз.).
8. История Китая. Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998.
9. Лю Юньшань. О «китайской мечте»// «Китай». 2013. №6.
10. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). Под ред. Хэ Чуаньци. Москва. 2011. с. 57 (перевод с кит. яз.).
11. Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. Москва. 2007.
12. Си Цзиньпин о «китайской мечте» // «Китай». 2013. №7.
13. Социально-экономические модели в современном мире и путь России.
14. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1964.
15. Сунь Ятсен. Программа строительства страны. Избранные произведения).
16. Хуан Чжунпин. Всемерно повышать способность управления. Предотвратить опасность «двух ловушек» // «Цюши». 2014. № 7.
17. Хуан Чжунпин. Всемерно повышать способность управления. Предотвратить опасность «двух ловушек» // «Цюши». 2014. № 7.
18. Цзэн Шицян. Чжунгоши ды гуаньли (Управление китайского типа). Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ. Пекин. 2005.
18. Чжу Фуцян. Чжунго цзинцзи куайду фачжань ды чжиду иньхуань (Скрытые институциональные просчеты в проекте быстрого экономического развития // Шэхуэй кэсюэ яньцзю. 2011. №1.
19. Чжунго гайгэ. 2006. №5.
20. Чжунго тунцзи чжайяо. 2013. Пекин. 2013.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА
КОНДРАШОВА

Известный российский синолог, выпускница Пекинского университета, доктор экономических наук. Более 40 лет работает в системе Академии наук СССР/РФ. Сфера научных интересов: экономика Китая, экономическая реформа, реформа системы собственности, региональная экономика. Автор нескольких монографий (Экономика КНР: возможности и реальность. М., 1976; Промышленность Китая: пропорции и диспропорции. М., 1980; Особенности формирования промышленной системы КНР: 1949–1985. М., 1988; Китай углубляет реформу. М., 1995) и множества статей. Ее перу также принадлежит стихотворный перевод древнего китайского трактата Дао-Дэ цзин (М.: Рипол-Классик, 2003, 2005).

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Л.И. Кондрашова

Китайская мечта о национальном возрождении

Оригинал-макет – Валериус В.Е.

Редактор – Полякова А.В.

Компьютерная верстка – Гришина М.Ф.

Подписано в печать 21.08.2014 г.

Заказ № 36. Тираж 300. Объем 1,8 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0470-8

9 785994 004708